

Андрей
МОЛЧАНОВ

⚡
ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

Андрей Молчанов
Главное управление
Серия «Мастера криминальной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/70594255>

Главное управление: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб»; М.;

2024

ISBN 978-5-17-163508-4

Аннотация

<rp>Мелкий бизнесмен Юрий Колокольников, попавший в криминальную историю, соглашается обменяться документами с приятелем-милиционером и под его именем пойти работать клерком в МВД. Самого же приятеля не прельщает подобного рода стезя, он разочаровался в профессии и мечтает уехать в Америку, хотя протекцию в аппарат министерства ему составил дядя – вице-премьер правительства. Юрию же некуда деваться: он разбил чужую машину, ранил человека и теперь ему грозит тюремный срок. Он становится Шуваловым, въезжает в его квартиру и занимает предложенную по службе должность, с головой окунувшись в дележ собственности, межведомственные разборки, «крышевание» коммерсантов, интриги и круговую поруку. Так начинается его стремительное продвижение по гололеду карьерной лестницы...</rp>

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Андрей Алексеевич Молчанов

Главное управление

© Андрей Молчанов, текст, 2024

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2024

Часть первая

Глава 1

Очень тяжело, мучительно и постыдно просыпаться в утренних сумерках камеры предварительного заключения.

Особенно с похмелья, усиливающего чувство вины как за свой добровольно отравленный организм, так и за пострадавший от твоих раскрепощенных алкоголем поступков общественный порядок.

Ободранная сухость в горле, словно я сжевал рулон наждачной бумаги, сведенный судорогой желудок и глупая моя голова, тяжелая, как пудовая гиря.

Рядом со мной, уткнувшись лицом в обширный, от стены до стены, дощатый настил, этакую общественную кровать на взвод правонарушителей, храпело единственное, слава богу, неизвестное существо. Лохматое, в грязных джинсах и ободранной синтетической куртке. На свешенной с настила ноге неизвестного болтался стоптанный ботинок с прилипшим к подошве окурком, другая нога была нага, даже без носка. И отличала ее грязная мозолистая пятка.

Что же я вчера натворил?

И вспомнилось. Разрозненно, отрывочно, но волосы на голове сразу встали у меня дыбом от этих воспоминаний.

Вчера я стрелял в человека. И не просто стрелял, а стрелял на поражение, в голову, и попал.

А предшествовали меткому выстрелу обстоятельства глубоко житейские, на поводу у которых я легкомысленно пошел. Дернул меня бес поехать на машине к приятелю на день рождения, хотя жил тот в двух километрах от моего дома и я мог к нему вполне протопать пешком или же поймать левака. Ведь знал же, что буду там выпивать! Знал и то, что разойдемся поздно, но хотел, со всеми удобствами усевшись в машинку, тихими переулками дорулить до дома. Вероятно, с какой-нибудь залетной дамой, снятой на празднестве.

Вот и дорулил. До первого перекрестка, где столкнулся с машиной. Как – не помню. Ударил в водительскую дверь. И в звуке удара было что-то жуткое, словно нутром ощутил, как за крашеной жестью и виниловой обивкой хрустнуло что-то живое и беззащитное.

Насчет беззащитности я, правда, ошибся. Из машины, отплевываясь матюгами, степенно извлек свои тела дядя внушительных габаритов. И хотя был я, увы, пьян, однако уяснил мгновенно и убежденно, что и для дяди трезвость не норма жизни и состояние его сродни моему, словом, того же поля ягодка.

А покуда он, грязно выражаясь, выбирался из своей помятой колымаги, я последовал его примеру, одновременно отзванивая своему ближайшему другу Юрке Шувалову, милиционеру оперу. Произнес кратко, услышав его сонный

голос:

– Попал в аварию в нашем районе, я пьяный, выручай... – И тут же дал отбой, ибо в последующий миг мой нечаянный оппонент достал из-под полы куртки «Макаров» и, разевая пасть, заорал в мой адрес типа: «Стоять, падла!» – наведя ствол на меня.

Я остолбенел на минуту, но тут из «Макарова» хлестнул оранжевый клин огня, и над моей головой, туго уходя в ночное небо, пропела пуля.

Я не знал, что имел в виду этот мужик: то ли напугать меня предупредительным выстрелом, то ли прострелить мне череп, – и среагировал механически. Выхватил из кармана газовый «Кольт», доставшийся мне по случаю, метнулся поближе к противнику и выстрелил практически в упор в его наглую физиономию.

И – обалдел. Ибо физиономия мгновенно превратилась в кровавую маску. Он взвыл, выронил свой «Макаров», обхватил ладонями лицо, а далее, как по мановению волшебной палочки, рядом с нами затормозила милицейская машина, в фиолетовом отсвете мигалок возникла искаженная злобой сиреневая, как у утопленника, морда патрульного, и тут сзади на голову мне словно обрушилась бетонная балка. Ну и все. Тишина и покой. И только сейчас испарившееся в никуда сознание начинает неохотно возвращаться к воспаленным от алкогольных излишеств нейронам, ведущим переключку и подсчет невозполнимых потерь в своем личном составе.

Но что же случилось? Почему этот мужик умылся кровью от выстрела из газовика? Отлетели фрагменты гильзы? Но не могли они причинить ему такие увечья... Или померещилось мне в ночной темени этакое обилие крови?

Впрочем, ответ на этот вопрос мне, безусловно, прояснят, на гадания можно времени не тратить.

Я горестно вздохнул. Всю жизнь тюряга ходила за мной по пятам, но, чувствуется, теперь зацепила своим когтем прочно, не открутишься.

Впервые я едва не угодил в колонию для малолеток еще в школе, хотя детство мое и юношество были вполне благополучными, как и семья, в которой я вырос, обитавшая в тихом спальном районе Москвы.

В семнадцать лет со мной произошла вопиющая нелепость: возвращаясь после уроков с одноклассниками по домам, мы, резвясь и дурачась, хлопая друг друга портфелями и кидаясь снежками, постепенно утрачивали в своих шалостях чувство меры. Удары становились все чувствительнее, а снежки – крепче и злее. Очередной снежный ком болезненно угодил мне в физиономию, и я, в то время перворазрядник по самбо, провел обидчику злую стремительную подсечку, отчего он, поскользнувшись на гололеде, совершил немыслимый пируэт, воткнувшись головой в асфальт. Итог: смещение шейных позвонков, сотрясение мозга, возбуждение уголовного дела влиятельными родственниками пострадавшего и тяжелое его закрытие стараниями моих родителей и

баснословными по тем временам деньгами.

Но я навсегда запомнил, когда милицейская машина увозила меня от дома в отделение к дознавателю, свое страшное осознание неотвратимого падения в цепкую, долгую бездну неволи.

Я ежился в холодной тряской клетке, куда, как в душегубку, тянуло серным выхлопом из проржавевшего глушителя, и думал поникло, что вот и окончилась школьная моя безалаберность с родительской заботой, первыми влюбленностями, таинством распития портвейна в подъезде на подоконнике, походами на подпольные рок-концерты и посиделками с друзьями и вскоре мне предстоит выживание в безысходной тюремной казарме.

Обошлось. Хотя как сказать? Меня исключили из комсомола, а потому в приемной комиссии института, куда я поступал, сделали все, чтобы завалить меня на экзаменах, а вернее, выставить мне тройки, хотя отвечал я на твердые пятерочки, но экзаменаторы, проникнувшись инструкциями сверху, бесстыдно выводили мне всякий раз удовлетворительно, не более того. Об этих инсинуациях партийно-комсомольского подполья мне проболталась секретарша приемной комиссии, возвращая аттестат.

А тут подоспело мое совершеннолетие, и я ахнуть не успел, как после домашнего блаженства, котлет и салатиков с крабами, уютной кровати и незабвенных подруг угодил на призывной пункт.

То ли я вызывал в военкомате подозрения в своем тайном желании отвертеться от исполнения священного долга, а такое желание у меня определенно имелось, как и знакомый врач, давший мне надежду на откос по медицинским показаниям, но, так или иначе, на следующий день после дня рождения на порог квартиры заявились участковый и лейтенант из военкомата, предписав мне следовать за ними.

Как раз шел призыв, в который я столь трагически впился.

Я попал в армейские силки, как зазевавшийся суслик в пасть удава. И первое свое пробуждение под казарменным сводом, на верхнем ярусе панцирной койки, за пару минут до подъема, запомнил как самое тягостное из всех своих пробуждений: вот тебе солдатские нары и два бесконечных года неволи и тягот. Безысходных.

Однако то пробуждение в сравнении с сегодняшним – благое событие. Ибо, чувствую, на сей раз двумя годами поражения в правах я не отделаюсь.

Существо на настиле всхрапнуло томительно, после, приподнявшись на локтях, надсадно откашлялось и наконец обернуло ко мне свой лик.

Это был скуластый, патлатый парень лет тридцати, с узким лобиком и тонкими потрескавшимися губами.

Парень обвел бесстрастным взором помещение, в котором находился, равнодушно кивнул мне, ощупал себя деловито – видимо выясняя наличие телесных повреждений, за-

тем осторожно соскреб ногтем с носа коросту засохшей крови и хрипло, как бы для себя, изрек:

– Ну, как всегда. Приплыли. Все понятно. – Прищурился задумчиво, а после обронил в пространство: – Друг, закурить есть?

Я отрицательно покачал головой. Затем сказал:

– У тебя окурок к подошве прилип.

Парень, отчего-то не удосужившись башмак снять, ловко, по-обезьяньи вывернул свою щиколотку обеими руками, будто проводил на ней болевой прием, и отсоединил сплюснутый бычок от подошвы.

На отсутствие второго ботинка внимания он не обратил.

Затем, морщась в каком-то раздумье, порылся в кармане куртки и вытащил из него серую замусоленную спичку.

Я не без любопытства наблюдал за его действиями. Перед мной находился, без сомнения, бывалый человек, и его навыки в преддверии моих тюремных перспектив, кто знает, может, и следовало перенять.

Парень внезапно надул пузырем сизую от недельной щетины щеку и резко, как бритвой, мазнул по ней головкой спички.

Спичка загорелась. Я сглотнул слюну от удивления, едва не закашлявшись.

Вскоре в камере поплыл табачный дымок.

– За что устроился? – по-товарищески протягивая мне окурок, спросил собрат по несчастью.

Я отмахнулся от его любезного предложения. Ответил:

– Ушел в пике, ничего не помню.

– Вот и я тоже, – грустно поведал он. – Жду вспышек памяти или сведений со стороны. Пили у Люськи, да, было... Потом пошел за добавкой. Дальше – короткое замыкание. Но коли нас упекли не в вытрезвуху, а в реальную ментовку, значит, мы втюхались в историю с продолжением.

Дверь камеры отворилась.

– Колокольцев Юрий, на выход...

Я протер слипающиеся глаза. Молоденький, тоненький милицкий сержант, стоящий у входа в камеру, словно перенесся из прошлого, из далекой армейской учебки, и снова вытряхивал меня из сонного забытья в безрадостную действительность: дескать, вставай, новобранец, труба зовет! Да, труба мне. Поскольку не новобранец я, а задержанный и зовет меня следователь.

Видимо, это карма. И на сей раз я и впрямь буду сидеть. И поделом!

Руки за спиной, щербатая плитка милицкого предбанника под ногами, лестница на второй этаж, серые проплешины на истертом паркете, размытое спросонья и с похмелья пространство тесного коридора, наконец, дверь с табличкой.

Ну, держись, дружок.

А вот и дознаватель. Первое впечатление окрыляет. Женщина лет двадцати пяти, личико открытое, симпатичное, свежее, милицкий мундир с капитанскими погонами без

складочки, макияж безукоризненный, а какие колени выглядывают из-под юбочки, так славно облегающей безупречный изгиб бедер, какие колени...

А вот колец на ней золотых – множество, причем одно со скромным, но явно натуральным бриллиантом. Значит, дорогой следовательно, обласканный, цену себе знающий, и уж наверняка не без почитателей прелестей, скрываемых за казенной одеждой... А тут я – с опухшей мордой, с перегаром и с горячим уголовным грехом за спиной. Нет надежд на совместный ужин с этой красавицей, а уж мечтам о прочем и вовсе отбой!

– Колокольцев Юрий Петрович... – констатировал следовательно, цепляя небрежно перламутровым ноготком одну за другой лежавшие на столе бумаги, с моей персоной соотнесенные. – Что же вы так... неаккуратно?

– Карма, – сказал я без юмора.

– Твердой поступью идете на серьезный срок, – вполне дружелюбно продолжила она.

Положительные сексуальные эмоции начали стремительно угасать. Теперь мне хотелось одного: припасть к запотевшему бокалу с пивом. Последствия вчерашних возлияний жестко брали свое, свербя в иссохшем нутре и нудной болью распирая череп.

– Итак, все ясно, – продолжила она с терпеливым вздохом. – Забыв, что смесь алкоголя и бензина крайне опасна, и возвращаясь на личном автомобиле домой в нетрезвом со-

стоянии, вы совершили аварию, причинив имущественный ущерб гражданину Серослизову, находящемуся ныне в травматологическом отделении городской больницы за номером тридцать шесть...

– И чего с ним? – бесцеремонно перебил я ее тираду.

– Перелом трех ребер, трещина бедра... И многочисленные глубокие повреждения тканей лица дробовым патроном из незаконного, принадлежащего вам револьвера «Кольт» западногерманского производства.

– Как... дробовым? Это же газовая стрелялка...

– Дробовая и одновременно газовая, – пояснила она покладисто. – Патроны калибра девять миллиметров внешне отличаются лишь материалом гильз. У газового патрона они медные, у дробового – латунные. Уж коли носите ствол, разберитесь, как он стреляет и чем... Кстати, вам действительно не повезло: в барабане боевой патрон был один, остальные – так, для вонии... По случаю, чувствую, вам игрушка перепала.

– Но жив, главное, этот-то?..

– Это главное, точно... – Она улыбнулась снисходительно. Губы у нее были сочные, даже припухлые, словно зацелованные, без следа помады, но очерченные самой природой безукоризненно, как рисованные. – Но вот второстепенных элементов набирается столько, что все главное и позитивное они перекрывают с лихвой. Начнем с физиологии...

– Имеете в виду нетрезвое состояние? – заторопился я

с оправданиями. – Так я вам по этому поводу тоже деталь вставляю в смысле пояснений... Когда потерпевший из машины выполз, я его очень объективно рассмотрел... И хотя он полученными повреждениями некоторым образом маялся, но я по ста признакам уяснил: человек еще круче меня погулял. Его-то освидетельствовали? Да и ехал он, шляпа, с выключенными габаритами, отчего я его и не углядел в темноте. К тому же нарушение обоюдное...

– Это кто вам сказал? – Пауза. – Я, кстати, с Шуваловом час назад говорила... – Последнюю фразу она произнесла нейтрально, словно бы невзначай обронила. И потупила глазенки свои ясные, с давно изжитой, увы, наивностью. – Как вы ему вчера позвонить-то успели...

Я кивнул потерянно, в который раз с благодарностью вспоминая своего тезку и приятеля еще со школьной поры. Ныне капитан милиции, он служил в каком-то захолустном подразделении в области. Однако многими полезными связями обладал. И, видимо, теперь пытался благодаря им смягчить мою участь.

– Так вот, – продолжила она. – Серосливов был трезв, на то существует медицинский документ. А насчет нарушений... Что вы там про обоюдное? Вы под «кирпич» ехали...

– Никакого отродясь «кирпича» в этой местности не было!... – возмущенно начал я, но она перебила:

– Висит там «кирпич». Но не висел бы, соглашусь, если бы Серосливов не был заместителем прокурора района. Понял?

Теперь въезжай, в какой «кирпич» ты въехал! И кому рожу разворотил из левого ствола! – В голосе милашки в милицейском мундире внезапно прорезались бескомпромиссные служебные интонации.

– И чего будет? – спросил я, преисполняясь беспросветной обреченностью.

– Будет уголовное дело. И подписочка о невыезде... Это Шувалову спасибо скажи. А то бы окунули тебя в камеру по подозрению в покушении... Ну, кое-какие детали насчет подписочки тебе твой друг объяснит...

– Это я понял, – послушно кивнул я.

– И что еще? Договаривайся с потерпевшим, вот.

– А получится договориться?

– Если повезет, – покачала она головой недоверчиво. – Если очень повезет. Но в любом случае это будет... – И с сокрушенным искренним выдохом прибавила: – Ну... очень дорого!

Я подписал необходимые бумажки, забрал документы и деньги, на удивление оставшиеся в сохранности, и вышел из сырого тепла милицейской шарашки в серую промозглость февральского денька. Все вокруг было словно замазано кистью в затхлой известке: и дома, и заснеженные пустыри, и небо, и даже разноцветные машины лились блеклым, как манная каша, потоком в зев магистрального туннеля.

А через считанные минуты я уже сидел за столиком в пивном ресторане и тянул ледяное вожаделенное пиво, заедая его

колечками кальмаров, запеченных в колючем песочном кляре.

Владела мной тупая усталость и отрешенность, мысли были короткими и редкими, как свиная щетина, и я с огорчением покосился на озарившийся неоновой вспышкой экранчик телефона. Из бездумия моего приятного одиночества меня пытался истребовать некто, наверняка причастный к случившейся накануне беде. Я угадал: звонил спаситель, тезка Шувалов.

– Ну, злодей, отпустили тебя?

– Сказали передать тебе спасибо.

– Передашь. И не только мне, и не только на словах. Чтобы вечером был дома, подъеду.

– Дело серьезное?

– Нерадостное.

Отложив телефон в сторонку, я пригорюнился.

Да, теперь уж точно достала меня тюрьга!

Недаром мне говорил один битый мужик в мою бытность работы в артели на золотом прииске: все зэки, как правило, после второй ходки возвращаются в зону. В лучшем случае тень этой зоны всегда висит над ними, и только оплошаешь, накроет она тебя неумолимо. Как коршун зазевавшуюся мышь. Видимо, существует некое притяжение тюрьмы. И возвращаются в нее разное: кто по дурости, кто по недоразумению, а кто уже настолько к зоне привык, что дом она ему родной, а воля – так, сон, а во сне чего не начудишь, чтобы

проснуться в безопасности, в родной реальности решеток и двухъярусных коек.

Вот и меня, много раз чудом не срывавшегося за опасный край, три раза пребывавшего под следствием, томило предчувствие: как-нибудь где-нибудь, но не примечу волчьей ямы, свержусь в нее... И молил про себя: не дай Бог!

А он взял да как дал!

Однако на Бога грешить нечего. Наши неудачи нами же и выпестованы.

Обидно другое: сейчас излет бесноватых девяностых, уже порастративших былую лихость, но с явными отголосками прошлых криминальных войн, убийств, грабежей и разбоев, которых успеть бы учесть, не то что раскрыть. И на таком бурном фоне общественной жизни мое отступление от норм закона эпизод в общем-то серенький. Тем более позавчера в нашем же районе в экипаж милицейской машины, пытавшийся задержать нарушителя, тот бросил гранату. И скрылся. А вот мне, голубю мирному, крылышки мигом склеили.

Кто знает, может, гранатометатель этот был обкуренным недоумком и сейчас крестит лоб, недоумевая, как его пронесло легким пухом над милицейской бездной. И может, сидит сейчас в этой же пивнухе, в ус не дует... А вот я попался, и пощады мне никакой. Не угодил я чем-то высшим управляющим иерархам, загнавшим меня по случаю в непролазную колею.

Хорошо, и в самом деле умысел на теракт не шьют, все-

таким прокурора покалечил.

За окном пивнухи – то же куцее разнообразие серых тонов, вялое соревнование их ущербных оттенков. Надо бы посмотреть, что с машиной, ведь стоит, брошенная, в злосчастном дворе, того и гляди разграбят. Но на это нет ни сил, ни желания.

Посмотрев на свою физиономию в зеркале милицейского туалета, я понял, что на работу сегодня идти некому, ибо в зеркале показывали ужасы, и лучшее, что можно сделать, – предаться тихому пьянству и размышлениям о грядущей горькой доле. Вернее, как выпутываться из ситуации, чреватой увесистым сроком заточения. Ведь статей целый букет!

Как ни крути, но длительная побывка в колонии за комфортабельную доставку своего туловища из гостей к дому рисовалась мне неотвратимо и убежденно. Как будто из всех дурных предчувствий уже вылепился на тайной кухне судьбы и тут же зачерствел в каменной грозной коросте пудовый кирпич приговора, должный шмякнуться мне на темя. К тому же ясно без подсказок, что срок могут дать по верхнему краю, учитывая прокурорский статус пострадавшего.

Я пребывал в унынии, но никак не в смятении и страхе. Мне даже было по-человечески жаль прокурора, но, с другой стороны, вряд ли ему было жаль меня, а потому на поддержку с его стороны надеяться не приходилось. Единственный выход – откупиться. Но во что будет оценен ущерб? Все мои ценности – квартира и полиграфическая лавочка в полупод-

вале у метро. Там у меня ксероксы, обслуживающие потребности залетной публики. Лавочка, открытая на паях с партнером Изиком – бакинским пронырой, пытающим счастье в столице, – приносит доход, окупающий мои весьма рядовые потребности, но уж никак не ту взятку, которая покрыла бы отступные следствию и покалеченному законнику. Мир правоохранителей от меня далек, но, по слухам, мыслят там финансовыми категориями, далеко превосходящими мои фантазии. И нейтрализовать дензнаками сегодняшний переплет в состоянии разве владелец какой-нибудь нефтяной скважины. Но те, у кого она есть, передвигаются на персональных машинах и ответственности за случившиеся аварии не несут.

Однако, несмотря на текущий черный момент, кое-что мне придавало хоть вялого, но оптимизма. Во-первых, основной ценностью бытия я полагал свободу и этой ценностью в настоящий момент обладал. Мой жалкий бизнес, мой старенький автомобиль и моя типовая квартирка, похожая на одну из сот в улье города, рассматривались мной как некоторые базовые достижения, но никак не краеугольные камни бытия. Во-вторых, у меня был паспорт с действующей американской визой, и уже завтра я мог прибыть в город Нью-Йорк к постоянно проживающей там маме.

В Америку меня никогда не тянуло, но, если уж выбора не будет, помучаюсь на чужбине, тем более муки такого рода с точки зрения обитателя исправительной колонии увиделись бы верхом блаженства. А как отмаюсь по верхней план-

ке возможного приговора, так и вернусь. Хотя тут не загадаешь, не один годик придется провести в чужедальних пампасах. Наконец, в-третьих. Мой закадычный дружок Юра Шувалов, светлая голова, что-нибудь да придумает. Парень он из среды деревенской, родители его и до сей поры живут в подмосковном селе, а в столицу еще ребенком его забрала на воспитание и иждивение бездетная родная тетка, уговорившая сестру приютить мальчишку у себя в городе. Да и что ему могла дать спивающаяся, с каждым годом пустеющая и в те давние времена деревня?

Недавно тетка отошла в мир иной, и Юрке досталась ее квартира, где он жил, как и я, в условиях холостяцкой вольницы.

Юрка донельзя ушлый и прожженный тип. И, несмотря на то что милиционер, авантюрист и та еще пройда! Помню, еще в сопливые школьные времена то и дело втягивал меня в мелкие, но отчаянные аферы: то в троллейбусах сдачу с платы за проезд собирали – мол, граждане, всю мелочь давайте сюда, мы в кассу гривенник по ошибке зарядили... Ну, с троллейбуса на троллейбус по трешке за вечер набирали. Для двух третьеклассников – богатство! Класе в четвертом продавали поддельные билеты в парк культуры «Сокольники», в пятом – меняли у иностранцев пионерские значки на жвачку и импортные сигареты. Я, собственно, составлял другу компанию, не более того. Нажива меня не интересовала, мошенничество откровенно тяготило, но как не поддаться пламен-

ным убеждениям моего неутомимого в поисках приключений товарища? Натуры, без сомнения, преступной. С другой стороны, бытует утверждение, будто преступник и полицейский – две стороны одной медали. Наверное, так. Вот и занесло прирожденного афериста на службу в милицию. Окончил он престижный юрфак МГУ, но никаких могущественных связей для устройства на теплое местечко к поре распределения не обрел, а потому подался в простые опера. Хотя ныне двоюродный его дядя выбился не куда-нибудь, а в вице-премьеры государства Российского. Правда, с отдаленным по кровному родству племянником не общался и судьбой его не интересовался совершенно.

Пожалуй, Юрка – единственный человек, с кем мне было всегда легко и просто, кто всегда поспешал на подмогу и воспринимал все мои просьбы как личные проблемы. А потому в нынешней ситуации надежды на него я возлагал значительные.

Из пивнухи побрел домой в унылости зимнего московского пейзажа, держась подальше от дороги, подернутой жирной черной пленкой, к конгломерату из химикатов, сажи и грязи. Чистота на улицах Москвы имеет два состояния: либо когда грязь замерзает, либо когда засыхает.

Тусклое небо, тусклые панельные коробки, влажные коряги деревьев, переплетшие ветви словно в замершем соитии, протухший от выхлопов и соленого дворницкого пес-

ка снег. Выцветший в тихую убогость мир. Элитная среда московского прозябания, благодать сирости. А вот стальная дверь знакомого полуподвала, бывшей подсобки местного жилуправления. Что ныне за ней – неизвестно и неинтересно, но часть моей жизни за этой дверцей осталась.

Когда-то здесь был подпольный цех, где во времена совдеповского дефицита с двумя бодрыми лоботрясами мы клепали высококачественную бижутерию. Работа была творческой, отчасти даже художественной, с элементом добросовестного копиизма высокохудожественных западных образцов, но окончилась печально: условным сроком за незаконное предпринимательство. Я был на подхвате, а потому получил лишь годик, а затем судимость мне сняли, ибо социализм начал перерождаться в капитализм и данное преступление в прозревшем прогрессивном обществе стало почитаться за праведную норму бытия. Лоботрясы же, ныне уважаемые владельцы сети ювелирных магазинов, угодили на пару лет за решетку. В их новое партнерство мне хода нет, я третий лишний. Впрочем, бедовали они в одной зоне, что способствовало сплочению их дальнейших коммерческих планов.

Накануне вынесения мне приговора умер отец, так что кто с корабля на бал, а кто с суда на похороны. Мама погоревала с годок, а после, будучи женщиной симпатичной и бойкой, познакомилась с заезжим американцем и отправилась ковать свое счастье в город Нью-Йорк. В ту пору кончались смутные

восьмидесятые.

После отъезда родительницы в моем распоряжении осталась двухкомнатная квартира, некоторая сумма денег от реализованной криминальной бижутерии, правильная сексуальная ориентация и кучка знакомцев, близких к прежнему бизнесу, что были устремлены на добывание хлеба насущного в точности и соответствии с многочисленными статьями УК. Более того, меня тянули в набирающие силы бандитские группировки, в контрабанду и мошенничества, но я выбрал иной путь: поступил на заочное отделение юридического института по специальности «уголовное право» и устроился работать шестеркой в районный суд.

Покрутившись поблизости от уголовной среды, я уяснил, что она мне абсолютно чужда и инородна. А судимость моя была не более чем роковой нелепостью, превратностью судьбы, зловредным изыском фортуны. Мир жулья и разбойников я попросту презирал. В нем никогда не было созидательности и правды. Зато сколько угодно лжи, подлости и жадности. Всякого рода «понятия», подменявшие «кодекс чести», были смехотворны своей вычурностью и нелепицей по сравнению с тем, на чем они произрастали. Воровское «благородство» и участие к ближнему – то есть к подельнику или сокамернику – всегда держались на выгоде, расчете и в любой момент могли быть вывернуты наизнанку.

В суде я отработал год на медяках зарплаты, а после подался по наущению одного из знакомых матери, бухгалтера

крупной золотодобывающей артели, в Сибирь.

Вот там началась жизнь! Меня окружали потрясающие типажы! Все как один стальные мужики с изломанными, удивительными судьбами. Многие умницы и эрудиты. Упертых уголовников среди них не было, но прошедших зону — в изобилии. И жизнь среди них закалила и воспитала меня как самый высший жизненный университет. И пахали мы до седьмых потов, и случалось у нас стычек и приключений без счета, но дружба наша была крепка, а коллектив нерушим. И кто был суетен, вороват или характером жидок, вылетал из него в первую же неделю общей работы и сурового таежного общежития.

Деньги я заработал немалые, но в последующих финансовых кризисах они обратились в прах, а после рассыпалась артель, ибо добывали мы золото, а получали уже никчемные бумажки, потому пришлось возвращаться в Москву.

Институт с грехом пополам я окончил, но после вольных хлебов идти на тягомотную копеечную службу не пожелал. И устроился, дабы присмотреться к окружающей меня жизни, грузчиком в большой продовольственный магазин, поближе к вкусной и здоровой пище. Познакомился с парой девушек, поставил на новые колеса мамины «Жигули», на которых халтурил по настроению, и начал приводить в порядок давно не освеженную ремонтom квартиру. При замене слива кухонной раковины пришедшим сантехником обнаружилась трещина в подводящем шланге. За шлангом поехали в

магазин.

По пути у ограды детского садика сантехник заметил неприятливо стоящую тумбочку, видимо вынесенную на тротуар за ненадобностью.

— Точь-в-точь как твоя под мойкой, — поглаживая чумазым пальцем дыбившуюся под носом ржавую похмельную щетину, сообщил он. — Но твоя — того, подмокла с полу от перелива, подгнила, покосилась. Давай эту на заднее сиденье... Влезет, точно. Заменим рухлядь на свежак!

Свежак оказался мебелью, вынесенной из здания детского сада с целью перевозки в иное учреждение, и представлял собою социалистическую собственность и несомненную материальную ценность.

Из окон нас заметили какие-то нянечки и даже, как следовало из протокола, криками пытались пресечь наши деяния, но пресек их патруль, встретивший нас на выходе из магазина.

Смех смехом, а статья об открытом хищении (грабеже) госимущества по предварительному сговору группой лиц означала для лиц большую драму. В очередной раз я едва не влился в ряды контингента колонии общего режима, но выручило чудо: дело рассматривалось в суде, где я некогда разносил бумажки, судья меня помнила с положительной стороны, и все вновь обошлось условным сроком, так что со скамьи подсудимых я был опять лояльно выдворен в неверные объятия ее величества Свободы, изменившей мне сегодня

уже всерьез и бесповоротно с прокурором Серосливым...

Ну а далее я открыл полиграфическую лавочку на паях с трудолюбивым кавказским человеком, случайно подвернувшимся мне на жизненном пути.

В последнее время, правда, он донимает меня своей неумностью, планами по расширению бизнеса, призывами к закупкам новой аппаратуры, съему огромного помещения аж на самом Арбате и прочей деловой активностью. А я, откровенно обленившийся сибарит, чувствую себя гирей на его ногах. Он активен, как скаковой жеребец. Он хочет много денег. Он представитель того племени мусульманских тихих завоевателей, что постепенно и неотвратимо заполняют не только Москву, но и всю Европу. Они не пьют, они умеют и любят работать, они смело и радостно рожают детей, свою смену (у Изика их уже четверо), они заботятся о детях! – они чтут и кормят родителей, и они в итоге возьмут верх. А вот мы вымирающий вид, деграданты. Лентяи, жулики и краснобаи. Лишенные идеологии, забывшие свои корни, не творцы и не производители, а крохоборы от торговли нефтью и лесом, должны стать в ближайшем будущем прослойкой между мусульманами и китайцами. Интересно, кстати, чем руководствовалась моя мама, переезжая на Запад? Насчет большой любви к будущему супругу – это едва ли. Простецким желанием оказаться в благополучной стране с социальными гарантиями? А вот это – бесспорно. Но мне кажется, есть тут и еще один затаенный мотив,

причем главный. Ее постоянно и планомерно за ломаный грош использовала и обманывала страна: своими выпренными лживыми лозунгами, уравниловкой, тайной полициейщиной, бездушной властью, чиновной спесью, блатом и кумовством, сгоревшими банковскими вкладами, наконец. И чего она не могла простить стране никогда: канувших в лагерях репрессированных родителей. А когда все поменялось и провозгласили свободу, она посчитала, что все вернется, ибо снесли надстройку, но на прежний фундамент те же кирпичи лягут, и цемент для них замесят по старому рецепту. Так, по крайней мере, выходило из ее разрозненных реплик. И пусть не идея двигала ею, а инстинкт, суть ее переезда была в отрешении именно от темного нутра нашей чванливой и жестокой Российской империи. А вот рафинированный империализм представился и убежищем, и благим горизонтом. И что забавно – со своим трудолюбием, ответственностью, скромными бытовыми пожеланиями и стремлением учиться новому она растворилась в Америке, как сахар в воде. Ее обожал муж, ее окружали новые друзья, она работала бухгалтером в крупной компании, и ей ежегодно повышали зарплату, она в считанные месяцы заговорила на английском, причем благодаря своему музыкальному слуху почти без акцента, она выросла в чужую почву как в родную, словно бы для нее и предназначенную. Но главное и обидное для меня: она не только не хотела навестить Родину, но с искренним ужасом отторгала от себя даже самую идею такого визита. А вот мне,

недоумку, возможно, наша страна дураков казалась землей обетованной. И на призывы мамы к воссоединению я реагировал вяло, хотя разок и навестил ее американские пенаты.

Визу, правда, получил со скрипом. Дал, простодушный чудака, положительный ответ в анкете относительно судимостей. И консул попросил принести копии приговоров. Ознакомившись с последним, где фигурировало слово «грабеж», поднял на меня испуганно толстенные линзы роговых очков, молвив:

– Да вы же... гангстер!

– Но я же к маме... – промолвил я.

И визу дали.

Впечатления от визита были приятными и пресными, как от рахат-лукума после кружки пивка. Уютный бруклинский домик в пляжной зоне океана, примыкающий боковыми стенами к себе подобным; задний дворик с зеленой лужайкой и разноцветьем клумб; тихая улочка, обсаженная вековыми деревьями; морской кристальный воздух.

Супруг мамы, сухопарый доброжелательный ирландец, профессор медицины, принял меня по-родственному, хлопотал о каждой мелочи и каждодневно убеждал остаться, но веяло от него такой добропорядочной скукой и пунктуальным распорядком, что утомился я в предупредительности его до невозможности. А эти чинные компании местных розовощеких обывателей с их сходками на шашлык, именуемыми «пати» и «барбекю»; картинный ужас при виде сига-

реты в моих руках; металлокерамические улыбки, вопросы о том, есть ли в России мамонты, чем балалайка отличается от банджо и построят ли демократы мавзолей для Горбачева и Ельцина согласно известной исторической аналогии. Наконец, бесконечные дебаты о налогах, страховках, акциях и деньгах.

А местечко – вполне. Все заборы – в гроздьях винограда, теплынь курортная. Вышел в шортах с удочкой к океану – и уди рыбку. Ялта. И даже не верится, что в часе езды Манхэттен с его небоскребами и выпренными авеню. А поблизости дислокация крепкой русской общины, Брайтон-Бич. Если жить там – английский без надобности. Там уже колбасно-ананасная американская Одесса, соседствующая с нашей опять-таки американской Ялтой.

В общем, красота и симметрия, удобств куча, но через неделю я уяснил: пора домой, погуляли. Я даже не знаю, как описать свое состояние после проведенных за океаном трех недель. Я... заболел. Я энергетически ощущал свою оторванность от России. И никакие американские витамины восстановить образовавшуюся во мне болезненную пустоту, выкручивающую все нутро, не могли. И я рванул назад. И уже на следующий день по возвращении, оглядев знакомый заснеженный дворик, блаженно понял: дома!

После я много раз ездил по миру, но, когда убываешь за моря и долины с убежденностью обязательного возвращения, она, как прививка, спасает тебя от разлуки с корнями.

А в Америку-то, чего греха таить, я ехал с тайной мыслишкой остаться... И мыслишка эта прививку изничтожила. Так или иначе, но я определился: жить мне суждено в России, а потому и будем здесь жить. Но моим большим американским достижением явился краткий и яркий любовный роман, продолжающийся до сих пор, и кто знает, что сулящий в туманном будущем.

Эффектную брюнетку звали Леной, и была она подругой мамы, хотя по годам являлась моей ровесницей. Но по уму и хватке превосходила десяток наимудрейших евреев и не то что коня, а слона могла остановить на скаку. Владела рестораном и парой магазинов, ездила на новеньком «Бентли» и буквально купалась в успехе и здравии. И просто не верилось, что деревенская девчонка из уральского села, набравшись наглости, без гроша в кармане приехала с каким-то танцевальным ансамблем в Штаты, осталась на улице, но выжила и выкарабкалась из трясины на свой солнечный газон. Чего это ей стоило – оставалось только догадываться. Хороший повод для догадок представлял ее супруг, от которого было двое детей: авторитетный итальянский мафиози. Уже пару лет они проживали раздельно, однако сохраняли весьма дружеские отношения.

– А чего расстались? – спросил ее я.

– Да все само собой изжилось, – равнодушно пожалв плечами, объяснила она. – Прошла любовь, остались хлопоты. Обычное дело, никто не в претензии. На детей денег дает,

оставил мне дом... И в делах помогает. Нормальный мужик. И я его понимаю: сорок с небольшим, вокруг двадцатилетние девки, своя яхта, каждый день праздник, а тут какая-то старая баба, детские сопли...

– Какая же ты старая? Тебя в кино снимать надо!

– Я уясняю сверхзадачу твоих комплиментов, Юра. Но ты просто не видел его девок.

И не увидел. И видеть никого не хотел после трех дней и ночей, в течение которых мы не вылезали из постели. И помани она меня, я бы остался. Но манить меня в свою жизнь она не стала. Сказала:

– Ты не из этих... Не из эмигрантов. Тебе в России жить надо. Тут ты гость, а приспособливаться начнешь – хребет согнешь. Буду по тебе скучать. Но тебе соскучиться не дам. В России бываю каждый месяц по делам. Примешь в гости?

И залетала ко мне теперь эта дивная яркая птица постоянно, и жила у меня, моталась по своим неведомым мне делам, а после уезжала, оставляя меня счастливого, опустошенного, надеющегося на следующую с ней встречу и живущего в ожидании ее.

Я любил ее. Но отстраненно, понимая, что брак с ней был бы ошибкой. Органически совпадающие друг с другом любовники, собеседники и просто близкие люди, мы были разделены в общности бытия хотя бы своими характерами. Она была лидером – жестким, властным, подчинявшим вокруг себя всех во имя своих желаний и капризов. А я не тер-

пел покушений на свою свободу. Широта ее жизни и трат заставляли меня лишь беспомощно вздыхать, а вступать в роль муженька-приживалы, рано или поздно должного влачить лакейскую лямку, ничуть не вдохновляло. Это великолепно понимала и она, тактично не замечая мою бедность и не выпячивая свое великолепие.

Мы стали ближайшими друзьями, и она поверяла мне все, как действительно родному человеку. Ох, Ленка! Как оказалось, ее связи с криминальным миром России и Штатов были всесторонни, и пользовалась она ими изошренно и твердо. Гнала в Нью-Йорк контрабанду, на корню скупив таможни по обеим сторонам границы, устраивала жаждущим визы и настоящие американские документы не без помощи своего муженька, отмывала деньги, поставляла кокаин в великосветские американские круги и спекулировала недвижимостью в Нью-Йорке.

Много раз она пыталась пристроить меня в какой-нибудь приличный бизнес, но что-то меня неизменно пугало, да и не хотел я быть ей чем-то обязанным и не стремился в ее деляческий клуб с его вычурными изысками и непомерными аппетитами, откровенно чуждыми моей натуре. Да и чего пенять на жизнь? Бизнес шел ни шатко ни валко, но на хлеб с икрой хватало, холостяцкая моя жизнь разбавлялась мелкими амурными приключениями, плыл я по теплomu течению обстоятельств и стремительного времени, ни в чем себе не отказывая, ни к чему особенному не стремясь, и был, в об-

щем-то, счастлив. К алмазам и золу был равнодушен, равно как к особнякам с сияющими палатами, а потому к большим деньгам не лез, ибо где большие деньги, там и большая беда. С биографией моей и судимостями карьера мне не светила, на большие предпринимательские проекты не хватало ни связей, ни мозгов. То есть упорно и принципиально я отрекался от желаний власти, миллионов и славы. Вялый, аполитичный мещанин. А скажите, куда стремиться и зачем? К высокой цели и к идеалам? Был бы рад. Только этот горизонт пуст. И сподвижников нет. Выросло и окрепло новое поколение, чье сознание напиталось чужой музыкой, фильмами и прочей поп-культурой. Это поколение потребителей, ни в грош не ставящих своего ближнего. И достаточно сесть в вагон метро, чтобы увидеть у каждого второго юнца наушник, через который в его мозг долбит ритмическая бессмыслица, а когда поезд вырывается на открытые просторы, то видишь стены гаражей и домов, размалеванных иностранными буквами. Настенная живопись – точно такая, какую я видел в трущобах Нью-Йорка. И по стилю, и по содержанию. А ведь кто-то вложил все это в мозги дурачков. Кто-то весьма умный. Понимающий, что и бомб не надо, и подрыва экономики даже, а только приучи племя молодое к извращениям и к эрзацам, и исчезнет в нем все живое и чуткое, и уж за Родину на амбразуру никто грудью не ляжет. Каждый будет в своей конуре высиживать. А коли горит конура рядом – плевать. Впрочем, даже интересно. Тем более мы живем в предвку-

шении катастроф. Мы упиваемся ими. И каждый раз, включая телевизор, ожидаем чего-то горяченького. Но ясное дело – чтобы случилось оно в безопасном отдалении от нас. И ничем я не лучше иных жителей моей страны третьего мира. Где главная цель – заработать на кусок колбасы. Или на «Мерседес» и на кусок колбасы.

Вот и для меня спокойная, размеренная жизнь, не отягощенная никакими конфликтами и нервотрепкой, дороже всего. Потому что дает мне главное: свободу. Свободу от каких-либо обязательств, кроме оплаты жилья, телефона и уборки в квартире. Другое дело – теперь это главное находится под нешуточной угрозой.

Под вечер прибыл озабоченный Юра со спортивной сумкой на плече, из которой извлек закуску, бутылку водки и пластиковый пузырь с пивом.

Прошли на кухню. Я принялся за стряпню, выслушивая новости по поводу своей персоны. Новости касались горестного будущего, связанного с решетками, конвоем и существованием по тюремному расписанию. Впрочем, излагал их румяный и бодрый Юра с неизменным своим юморком и ерничеством.

– В общем, пятерочка тебе светит, несомненно, – заключил он. – Этот Серослизов сказал помощнику: посадка этого гада, то есть тебя, дело моей чести. Вот так. Я через своих людей на помощника сразу же вышел, но тот пошел в отказ.

Никакие, мол, деньги не компенсируют и прочее. Суд здешний, районный, председатель суда – сестра тещи потерпевшего, типа того. Комментарии излишни.

– У меня круги перед глазами от твоих фраз... – отозвался я.

– Скоро на заднице будут.

– Это от чего?

– От параша.

– Ты сюда веселиться пришел?

– А мне действительно весело, – сказал Юра. – Ибо, вероятно, все к лучшему. Но тут многое зависит от тебя...

– А от Серослизова?

– А от Серослизова только то, чтобы он не настаивал на твоём аресте. Но меня предупредят в случае чего. Пока время есть...

– И что даст это время? – Я разлил водку по рюмкам. Чокнулись.

– Мы ведь реалисты, правда? – напустив на жизнерадостную морду серьезность, многозначительно спросил Юра, отправляя в зубастую пасть шмат ветчины. – И понимаем: тебе надо литься в Америку. В международный розыск тебя за эту ахинею не объявят, ограничатся федеральным; в компьютерах у погранцов ты покуда не значишься, да и не возникнешь там в ближайшее время, обещаю. Так что выход из положения ясен.

– Мне он был ясен, когда я очнулся в камере, – отозвал-

ся я злобно, расстроенный его игривостью, граничащей с издевкой. И коснулся машинально макушки – чувствительно припухлой от удара, видимо, милицейской дубины, в народном жаргоне «демократизатора».

– Ну и собирай шмотки, – сказал Юра. – Лично я тебе очень даже завидую.

– А вот я себе – нет, – отозвался я и вновь пощупал шишку. Здоровая, от души приложили, хорошо, кость крепкая, без сотрясения обошлось, не тошнит. Даже от пива. – То есть категорически нельзя открутиться? Я поговорю с маман, ее супруг парень небедный... Еще знакомая у меня есть там... Тоже девка не с паперти. Ну, отработаю в итоге...

– Хорошо, иди договаривайся с прокурором, – сказал Юра. – Только если тебе еще и взятку пришьют, до суда из камеры ты не просочишься. Но если и договоришься, объявят тебе тысяч сто... В американской, естественно, валюте. Не пойдет муж твоей мамы на такие траты, равно как и знакомая твоя. Удавятся, а то я не знаю американцев. Да и как ты вернешь эти деньги? Бизнес твой – шелуха, квартира слова доброго не стоит, машина – рухлядь... Отработает он, ха!

– Неужели сто тысяч? – спросил я без особенного, впрочем, удивления.

– Ты плохо знаешь расценки в нынешней правоохранительной системе, – отозвался Юра. – Уж поверь мне на слово... Твоя подписочка, кстати, стоила десятку, по-сиротски. Но с этим мы разберемся постепенно... Я уже проплатил.

– За эти деньги я мог слетать в гости на «боинге» с черной икрой и с коллекционным шампанским... И не на соседнюю улицу, а в Австралию.

– Ну, как известно, у крепкого задним умом и жопа болит, и душа, – бессердечно пожал плечами Юра. – В общем, собирайся за океан. И не понимаю, что ты здесь забыл?! Что здесь хорошего? Чиновничий деспотизм, милицейский беспредел, бандитские наезды, засилье всякой швали из бывших республик... Продукты, вещи – сплошные подделки и дрянь. На каждом углу – мошенники. Ради чего здесь оставаться? Чтобы, как ты привык, летом ездить на рыбалку на Волгу, по грибы туда же, а зимой книжки читать, водку пить, фильмы глядеть один за другим? Ну и с девушками... соответственно.

– Да, все это ко мне относится, – согласился я. – Я примитивная, аморфная натура, привыкшая к нашей убогости и тихо затаившаяся в своем укромном уголке, который мне мил, как ничто иное.

– Во дела! Кому нужны возможности – Бог не дает! – стукнул Юра кулаком по колену. – А кому все в руки прет, те от возможностей рыло воротят, чудеса, да и только! Да я бы на твоём месте... Да ещё при обилии своих корешей в Нью-Йорке, кто сейчас по штуке в день заколачивает там на всяких наших интеллектуальных фокусах... И ведь звали меня! Уже на подхвате, стажером, ту же десятку в месяц обещали... А за десятку в месяц... да я пчелу в жало! Эх, прокля-

тое посольство, срезали на взлете!

Я хмуро кивнул. У Юрки было два отказа в получении американской визы. Третий и последующие давались автоматически. Так что попасть в Штаты он мог, только устроившись в ракетные войска.

– Так ты и раньше намеревался, значит... – проямлил я.
– Родине изменить, сука.

– Прицел был, – кивнул он. – Но сначала, конечно, хотел посмотреть, взвесить...

Тут он взглянул на меня как-то странно, невидяще, и задумался, будто впал в ступор. После налил себе водки, одним глотком опорожнил стопарь и сказал неуверенно:

– А хочешь, я помогу вернуть тебе столь милый твоему сердцу быт? Только подвал новый найдешь и ксерокс там поставишь, чтобы на прозябание хватало. А с азера своего получишь долю за выход из бизнеса. Интересно излагаю?

– Очень...

– Тогда продолжу. Мне здесь все обрыдло. Отдел наш разгоняют, потому что народ из ментовки линяет, и остатками нашего личного состава укрепят иные периферийные подразделения. А у нас в отделе пять человек осталось, все увольняются. Я в этом смысле единственный, у кого есть перспектива. Перевожусь в центральный аппарат, причем на хорошее место, но об этом позже. Итак. Предложение: я беру твой паспорт и уезжаю в страну эмигрантов. А ты берешь мой паспорт, переезжаешь в мою квартиру и становишься

мной. Всего-то дел.

– Я... милиционер? – исторг я нервный смешок.

– Стоп-стоп-стоп! – Юра помахал в воздухе распыленной пятерней. – Не вся сказка сказана. Тут много технических подробностей. И с документами надо все решить, и квартиру твою продать, и машину, и объяснить тебе кучу всего, чтобы ты в дерьмо с разбегу не въехал... Но в милиции служить тебе и не надо. Месяц-два посидишь в министерстве для отвода глаз, щеки пораздуваешь, а после – рапорт об увольнении, и свободен.

– В каком еще министерстве?

– А это отдельная история, – со значением произнес товарищ. – И вот такая. Месяц назад отбросил коньки мой дед в деревне. Ну, съехались все родственники на похороны – благо час на электричке от Москвы пилить, не упаришься... Подъезжает и мой двоюродный дядя со своим кортежем. Он же и ресторан местный снял под поминки, и все проплатил... Дед в нем души не чаял, нянькался с ним все его детство. И он деда любил. Даже когда в вице-премьеры выбился, не раз его навещал. Ну, стол, поминки, я в милицейской форме, чтобы обратно на машине в Москву без приключений доехать... И подзывает меня мой вице-дядя, обнимает за плечи по-родственному, интересуется судьбой и по пьяному делу и общему нашему кровному горю сетует, что времени у него нет за судьбами близких уследить, аж стыдно ему за это. Ну а я ему плачусь: не жизнь в милиции, а чернуха, а пото-

му придется мне вскоре уходить в неведомые дали народного хозяйства. А он: не торопись, я тебе придумаю синекуру. Вот телефончик моего помощника, напхни о себе дня через три. А помощник позвонил мне уже наавтра. И сообщил, что переводят меня на полковничью должность в министерство. С одновременным повышением в звании. В секретариат заместителя министра. Бумажки перекладывать, по телефону отвечать.

– Тогда на кой же хрен тебе сдалась Америка? Ничего себе – полковничья должность, министерство...

– Мечты убогих, – откликнулся Юра. – Что стоит место какого-то референтишки? Ни горячих денег, ни реальной жизни вокруг. Пустая трата времени. Ну, приду я в это министерство. На слухах закулисных, мол, племянник вице-премьера, продержусь какое-то время, может, майора получу с ходу, как обещается, а дальше? Случись чего с дядей – повисну в вакууме. А то и сожрут, коли дядя напорочит чего на своей козырной должности и будет низвергнут из колоды... Мгновенно меня опять в какую-нибудь третьеразрядную ментовку засунут, а она мне – во где! – И он чиркнул ногтем по горлу от души, аж малиновый след прошел.

– Так чего время терять? Возьми да уволься, – рассудил я.

– Три дня назад не поздно было, – сказал Юра. – А сейчас это целая чехарда. Я уже не там, но еще не тут. Это сделаешь ты, оказавшись на моем месте. Или езжай в Штаты, какие проблемы? Мне туда с сегодняшней фамилией никак...

– И ты вот так без приглядки, как в омут, готов перепрыгнуть в Штаты?..

– Другие пригляделись. Говорю же: у меня там знакомых – рота. Примут как родного. И если они выжили, то уж я-то выкарабкаюсь, не сомневайся.

– И чего вам эта Америка далась? – в искреннем недоумении посетовал я. – Совершенно чужеродная...

– Да прекрати, – перебил он. – Чего тут-то родного? Свиные рыла чинуш и парламентаров? Да меня уже тошнит от этих быдловатых спесивых физий номенклатуры! Селедка и водка? Их и там навалом! Что еще? Нищета и разруха тебе любы как часть российского пейзажа? Ты из Москвы в любом направлении сто верст отмахай и как на машине времени в девятнадцатый век прибудешь. Нет здесь ни правды, ни ценности жизни человеческой. И паразит на паразите у власти. Ненавижу это государство! Оно как псих со справкой: никаких обязательств ни перед кем и ни за какие свои действия не отвечает. А наши выборы? Что парламентские, что президентские... Как и в коммунистические времена – фарс для рабов, потомков рабов. Я так понимаю, что твоя личная природа с энергетикой Америки не совместилась, оттого и прибыл ты к родному сортиру. А если бы нашел там дело стоящее, да еще и бабу такую же – хе! – так бы мы с тобой тут и сидели, больно бы тебе надо было!

– Ты предлагаешь аферу, – сказал я. – Как всегда, впрочем.

– А ты к ней склоняешься. Как, впрочем, всегда, – парировал он, и мы невесело и коротко хохотнули.

– Не, – сказал я. – Разоблачат меня – раскрутят так, что башка отлетит. Надо заглянуть в кодекс, чего нам там светит за такое сальто-мортале?.. Самый прикольный, доложу тебе, прайс-лист для любителей экстремальных увлечений.

– Больше того срока, что ныне тебе в форточку заглядывает, не получишь, – ответил Юра. – Есть риск, конечно, коли снова в криминал вляпаешься и твои пальчики откатают...

– Зато у тебя какой риск! – возразил я. – Случись со мной здесь неурядица, депортируют и посадят рядом на лавочке в клетке!

– Да хрен там! – взбодренный алкоголем, ответил он легкомысленно. – Пока в посольстве отпечатков пальцев не берут. И на въезде в Штаты тоже. Хотя и грозятся ввести процедуру... Ну, пока грозятся, я приеду и растворюсь. Мне тут Лева Шкиндер звонил, приятель мой, обещал сделать документы через неучтенный труп. Чистые, тоже без отпечатков в криминальных анналах. Причем авансом. А он серьезная рыба, я его по здешним делам знаю. Так что я-то прорвусь... Ты за себя беспокойся.

Внезапно ко мне пришло воспоминание из детства: мы, сопляки, лазали в ботанический сад воровать яблоки. Дело было чрезвычайно опасным: после окончания рабочего дня охрана уходила пьянствовать, но спускала с цепей огромных злобных псов, блуждающих по территории.

Юрка мгновенно выдвинул гениальную идею, незамедлительно им реализованную: взял соседскую течную суку и отправился с ней якобы погулять. Затем бесстрашно проник вместе со мной на территорию сада, где нас тотчас окружили здоровенные лохматые кобели. Нами, однако, они ни в малейшей степени не интересовались, крутясь вокруг породистой дамы из немецких овчарок и склоняя ее к сожительству. Юрка кобелей покровительственно и нагло пинал, они с покорным визгом отскакивали в сторону, а я тем временем неторопливо собирал урожай.

— И как ты предлагаешь проверить это дело в его техническом аспекте? — поневоле увлекаясь его идеей, но и с сомнением спросил я.

— Начнем так: свое личное дело из кадров в конверте я выдерну, дабы лично в кадры министерства его перевезти. У нас там одна баба, старший инспектор, я с ней пару раз переспал, она уговорится. Фото в деле мы переклеим в момент. То же и паспортов касается. Есть у меня умелец из подучетного контингента. Агент-фальшивомонетчик... Я у него год в обучении был, страшно интересное ремесло, доложу тебе. Решил приобрести гражданскую специальность. А вдруг сгодится? В той же Америке. Так вот. Далее остаются семечки: продажа твоей квартиры, ибо мне понадобятся подъемные, представление тебя соседям... А родителей я редко вижу, отоврусь занятостью по службе, долгосрочными командировками, а как документы в Штатах выправлю, на-

вещу стариков. Звонить им буду, интересоваться... Не проблема, забудь.

– Ну ты и фрукт!

– Зато не овощ...

– Комбинация, конечно, интересная... – промолвил я задумчиво, и в самом деле захваченный внезапностью и изыском предложенного жизненного обмена, но еще ничего для себя не решивший.

– Есть один скользкий момент, – неожиданно серьезным и вдумчивым голосом произнес Юра. – Мои прошлые связи. Я их отрежу. Скажу, переехал служить в другой город, и на том потеряюсь. Остаются лишь дружки-менты. Но практически все они рассосались в гражданской массе. А устойчивых отношений у меня ни с кем не было. Тут на нас играет время разброда. При советской власти, трудясь в стабильном коллективе, я бы незамедлительно оброс кучей сослуживцев во всех конторах и, сев в министерское кресло, целый месяц бы выслушивал поздравления. А сейчас? Всучат личное дело, как спасательный круг на палубе тонущего корабля, – и привет! Кстати, кадровик наш тоже о пенсии рапортот начертал, что весьма кстати.

– Я – и в ментовке! – продолжал недоумевать я. – Лжедемитрий Четвертый! Попадья в доме терпимости!

– Расширишь свой кругозор, – вздернув картинно бровь, отозвался Юра, в очередной раз наливая водку по рюмкам. – И снова тебе повторю: покантуешься там пару месяцев – и на

свободу. Чего ты переживаешь, в самом деле?.. Да и не единственный это прецедент в своем роде. Вспомни хоть пресловутого Леньку Пантелеева. Ведь служил же он в ЧК... Вообще замечено, что уголовники, попадавшие в органы, работали там очень эффективно. Вот только как информировать твою родительницу?..

– Какой я еще уголовник?.. – насупился я.

– В настоящий момент – самый натуральный, – урезонил меня Юра.

Ах да...

– С маман надо работать по факту, – сказал я, все больше и больше проникаясь сомнительной идеей. – Предварительный шум ни к чему. Да, вот еще. Встретил я в Штатах одного парня. Набедовался тут донельзя и рвался туда что есть мочи. Ну и дорвался. И сказал он мне так: представь, ты заблудился в тайге, голодал, замерз и вдруг оказался в тепле и уюте, но там, где ты оказался, морг. В нем ты в качестве, например, санитаря, а не покойника, но в какой-то момент тайга видится милее...

– И тебя понял, и того парня, – сказал Юра. – Лентяи вы и мирозерцатели. Никакой внутренней и внешней динамики. Отсюда интеллигентские штучки. Время на раздумья у тебя до утра. Приеду рано. Возьму фотоаппарат с черно-белой пленкой и мундир. Встанешь к стенке, сделаем фото к моему бывшему, надеюсь, личному делу. К обеду фото будет готово. После обеда поедешь в кадры. А вечером я постав-

люсь солидно и обстоятельно на твоей новой квартире.

– Э-э, я еще ничего не решил!

– Ты уже решил все, дружок. Я хороший опер, я все просек. Жаль, что Родина реально теряет в моем лице квалифицированного бойца.

– А что приобретет Америка?

– Живой, подвижный ум, – сказал Юра. – А вот куда он будет приложен – пока загадка.

– А если тебя, то есть меня, все-таки объявят в международный розыск?

Юра покровительственно покривился:

– Повторяю... На сегодняшний день статейкой ты не вышел для этакой чести. Вот если бы твой Брюхосливов или Сливобрюхов коньки откинул... Тогда бы привет! А вот на розыск федеральный можешь рассчитывать, как на мою дружбу. Ну, на посошок – и до скорого!

Уснул я на удивление быстро и спал отдохновенно и всласть, а на утренний телефонный звонок товарища и на его контрольный настороженный вопрос, дескать, клеивать ли в дело мое фото, или я передумал, буркнул почти механически:

– Ну, давай... Приезжай на фотосессию...

А в середине рабочего дня, получив на проходной министерства пропуск, я шагнул на зарешеченную территорию страшного милицейского учреждения, неся под мышкой запечатанное в бурую казенную бумагу подметное личное де-

ло.

В голове витала и свистела оглушительная пустота. Но никакого страха я не испытывал. Правда, встретившего меня в кадрах подполковника едва не назвал «гражданином начальником», но мысль об оплошности вовремя опередила нечаянное слово.

– Сегодня тяжелый день, – сказал подполковник. – Указания насчет вас получены, но к работе приступите послезавтра, ваш непосредственный начальник в командировке. Пока обойдетесь пропуском, с ксивой торопиться не будем: представление на майора уже распечатано, но когда погоны вручат, тогда разом все и обтяпаем. Потерпим?

«Всю жизнь терпел», – хотелось брякнуть мне, но сподобился я лишь на короткий кивок, слегка удрученный его определением служебного удостоверения как «ксивы», причем произнесенным безыскусно и деловито, как нечто само собою разумеющееся. Видимо, уголовный жаргон в милицейской среде прижился не вчера и на благодатной почве.

Через час я был у нотариуса, где выписал какому-то Юркиному дельцу доверенности на продажу своей квартиры и машины, после чего последовал на новое место своего обитания.

Реинкарнация при жизни. Старт с середины чужой дистанции. Прыжок на встречную крышу другого поезда. А всех эмоций – одна бесконечная усталость... Хватило бы завтра сил вещички перевезти.

Глава 2

Как в бреду пролетел первый месяц моего пребывания на государственной службе.

Министерство, казавшееся мне из своего обывательского мирка зловещей и всеведущей организацией, на деле оказалось той же конторой, что и всякая другая: сейфы, столы и клерки, – единственное, каждый имел в домашнем или в служебном шкафу униформу с погонами. Но практически ничем от иного чиновного люда местные обитатели не отличались. Большой писчебумажный механизм. Были в нем, естественно, оперативные структуры, но функции надзора, назначений и указаний преобладали над непосредственной милицейской работой. Работа шла в подразделениях низовых, а здесь квасилась, как сельдь в бочке, бюрократическая служивая масса. И что странно, производила она впечатление толпы сугубо гражданских изнеженных обывателей, и любой патрульный сержант казался мне куда более убедительным и грозным в своем милицейском статусе, чем десяток здешних паркетных полковников.

В секретариате заместителя министра мне был выделен стол и стул, канцелярские причиндалы и служебный телефон. Секретариат состоял из нескольких кабинетов, смежных с просторной приемной генерал-полковника, где в ожидании randevу томились генералы рангом помельче, позна-

вая, возможно, глубину долготерпения тех, кого они сами мурыжили в своих предбанниках.

Мое же личное общение с высоким руководителем свелось к сдержанному кивку, которым он меня удостоил по пути в хоромы своего кабинета.

Далее началась работа. Заключалась она в приеме поступающих бумаг, их обработке, разносу документов с резолюциями по кабинетам начальников управлений, телефонным согласованиям различного рода проволочек и нестыковок. Через неделю моего вхождения в должность я с недоумением начал понимать, что с моими обязанностями без особенного труда могла справиться более-менее толковая восьмиклассница, научи ее двум заветным формулировкам в общении с начальством: «Слушаюсь» и «Разрешите идти». Более того: окажись на моем месте какой-нибудь слабо говорящий порусски шпион, и он бы продержался в подобного рода коллективе.

Я и в самом деле чувствовал себя шпионом в глубоком тылу врага. И боялся слово лишнее ляпнуть, хотя перед вступлением на скользкий путь Юра прочел мне не одну лекцию о милицеских структурах, их работе и пару раз устроил мне дотошную экзаменовку. Однако я понимал, что проколоться можно на мелочи, а потому и в курилке с сослуживцами предпочитал в отношении своего прошлого, а вернее, прошлого моего дружка давать ответы односложные и неопределенные. Но суть их сводилась к тому, что здесь, в мини-

стерских куцах, я остро скучаю по былой живой работе «на земле», о которой и ведать не ведал. Мне с пониманием сочувствовали. Я держал язык за зубами, ежечасно впитывая кучу различной информации, и ни к какой самодеятельности не стремился. Рассуждать о чем-то, опираясь на свои знания о милиции, почерпнутые из газет, кино и детективов, а также из опыта своих личных задержаний и отсидок в «обезьянниках», я справедливо опасался. Увы, с милицией мне пришлось сталкиваться по другую сторону приложения ее усердий. И эти мои знания о той, другой, стороне также не стоило афишировать.

Мне очень хорошо и явственно помнилось, как в пионерском лагере один из старших парней обучил меня десятку приемчиков из якобы джиу-джитсу: заломам кисти, локтевых суставов, пальцев и голени. И в школьной беззлой возне на переменках я этими приемчиками успешно и элегантно пользовался. А когда пришел в секцию самбо и попал в пару к третьеразряднику, то в свободном тренировочном поединке решил продемонстрировать усвоенное искусство схватки в полной уверенности в его неотразимости и эффективности.

Я едва успел протянуть руку к запястью противника, как был сражен точной подсечкой и, едва поднялся на ноги, улетел кувыркотом от переднего подхвата. Затем – бросок через бедро, через голову... Я шмякался на ковер, как куль с песком, не понимая, каким образом меняю свое, казалось

бы, устойчивое положение в пространстве. А когда попался на стандартный болевой прием, забыл про всякое изысканное доморощенное джиу-джитсу. Я, дилетант, нахватавшийся вершков, столкнулся с выверенной стройной системой, созданной кропотливыми вдумчивыми профессионалами, и основой системы являлось использование малейшего промаха противника, чтобы мгновенно и точно повергнуть его на-земь.

Утром я еле поднялся с кровати. Болели все мышцы и кости. Померил температуру. Тридцать восемь. А вечером пошел на тренировку. И снова был жестоко бит. Но изучил несколько захватов и технику передней подножки.

Через полгода я снова работал в паре со своим первым противником. И три раза подряд с треском приложил его о настил.

– Ничего себе, – изумился он, в очередной раз вставая на ноги. – Поработал ты над собой. При таких темпах через год в чемпионы выйдешь...

Не вышел. Начал покуривать, сбил дыхание, забросил спорт. Однако приобретенные навыки неоднократно пригодились в жизни. И главное, одна из истин уяснилась прочно: вступая в новую систему, изучи ее, дабы не полететь вверх тормашками от первого ее тычка. А в нашем ведомстве при всей его тягостной рутине таилось, как я подозревал, множество скрытых капканов. А посему выбранная мной роль покладистого молчаливого скромняги виделась мне самой

приемлемой для выживания и дальнейшего внедрения в среду обитания. Кроме того, все свободное служебное время я посвящал тупому и упорному изучению внутренней документации, правовых актов, аналитических записок, попадавших мне на глаза, а также приказов, регламентирующих оперативно-разыскную деятельность.

Моя юридическая подкованность несколько раз подвигла меня тактично подправить некоторые формулировки начальства и сослуживцев, что самым положительным образом сказалось на отношении ко мне в коллективе, ложно, вероятно, принявшим мою эрудицию самоучки за вдумчивый профессионализм.

Мысли о скором увольнении сменились убежденностью в необходимости выдержать некоторое время: мне казалось, что подача рапорта вызовет черт знает какие, но подозрения, а чем подозрения могут закончиться, тоже неясно. А потом — куда идти?

Дивиденды от полиграфической лавочки закончились, Изик выплатил мне круглую сумму отступных и с радостью со мной расстался. Партнер-бездельник, добровольно отлучивший себя от громадьи его планов и будущих сверхдоходов, являл для него подарок судьбы. Теперь он был полновластным хозяином, откупившимся от захребетника. Найти второго такого Изика и заново строить бизнес представляло задачу весьма непростую. А в сегодняшней ситуации, как я с удивлением постигал, стоило ли куда-то рыпаться? Хоть

небольшая, но зарплата; удостоверение – индульгенция от тех же гаишников и уличных ментов-потрошителей; работа не бей лежачего; куча смазливых девчонок из своего же ведомства – знакомства с ними, правда, я заводил из осторожности разоблачения на бытовом уровне не спешил; наконец, здоровый образ жизни: ранний подъем, обливание из тазика холодной водой и – никаких вечерних злоупотреблений. Я посвежел лицом и пьянел от трезвости мыслей и ясности мироощущения. Кроме того, я чувствовал, как во мне просыпается какой-то нездоровый интерес к милицейской стезе, и на работу шел как начинающий актер на спектакль с первой собственной ролью. И играть ее надлежало прилежно и точно, набираясь мастерства в скромных импровизациях и на аплодисменты не рассчитывая.

Как и в каждом коллективе, в нашем секретарском кружке плелись интриги, витали сплетни, дружили против кого-то и враждовали из-за доступа к начальственным телам. Меня, считавшегося родственником вице-премьера и первым кандидатом в фавориты всемогущего шефа, поначалу приняли с откровенным недружелюбием, но вскоре оно сменилось недоуменной лояльностью.

Искушенная в аппаратных играх челядь замминистра, выкручивавшая свои интересы в поделенных между собою сферах, в момент сожрала бы любого, покусившегося на вотчину их компетентности, я чувствовал это шкурой, без пояснений. Эти моложавые или же откровенно пожилые пол-

ковники обладали звериной хваткой, и от них исходила явная угроза, как от львов, охраняющих завоеванную территорию. Несмотря на разницу в возрасте, все они были схожи родственностью своих натур и характеров: подтянуты, бесстрастны, обстоятельны и значительны, как, впрочем, все опытные лакеи. Юмор здесь считался плохим тоном. Краем уха, проходя мимо курилки на лестнице, я услышал историю о своем предшественнике, который на вопрос бухгалтерши, пришедшей к генералу с его зарплатой в конверте и поинтересовавшейся: «Принимает ли шеф?» – обронил в ответ: «Да, бухает по-черному». Спустя неполный час его должность преобразовалась в вакансию.

Здесь никто не открывал своих карт, но малозначительные, казалось бы, детали окружавшей меня обстановки навели на размышления. Недавний день рождения нашего генерала собрал в приемной вереницу поздравителей, тянущуюся аж из конца коридора. Пышные букеты, глянцевые пакеты с подарками, чья общая стоимость, как я мгновенно уразумел, соответствовала цене средней московской квартиры. Да и наш секретарский клуб тоже отличали элегантные костюмы, явно не с распродаж турецкого ширпотреба, швейцарские часы с корпусами из драгметаллов и личные, высокого класса автомобили. Откуда это бралось? Оттуда, из жизни за нашими стенами.

Сюда, в тихую приемную, тянулось много нитей из милицеских низовых недр, от просителей из бизнеса, и здесь, в

кабинетах, ничуть не похожих на суровые отсеки карательного механизма, с коврами, канделябрами и новомодными аквариумами с экзотической фауной, тихо, буднично и незаметно обстрепывались ведомственные и вневедомственные сделки. Но я и ухом не вел на доносившиеся изредка шорохи из этого деловитого подполья.

Я сразу же дал почувствовать окружавшей меня публике свое полное безразличие к устоям ее служебного бытия, не лез ни к кому ни за дружбой, ни за покровительством, ни за помощью, ни с вопросами. Таежный старательский опыт выживания среди немногословных, грешивших, естественно, торговлей левым золотишком крутых мужиков, где каждое слово и поступок могли стать тебе приговором, включился, как дремлющий до поры механизм, упредитель глупости, корректор эмоций, прививка хладнокровия, оберег от гордыни.

Я не совал нос в высокие кабинеты, все свои действия согласовывал с непосредственным начальством, был корректен и предупредителен даже с молоденькими девочками-делопроизводителями, не стеснялся посоветоваться в неясных вопросах с сослуживцами и сидел себе тихой мышкой в своем уголке, благо имел компьютер с бесплатным интернетом. Рабочий день, не обремененный особыми трудами, пролетал незаметно. Доставали, правда, всякого рода «усиления», когда приходилось то высиживать на работе до полуночи, то жертвовать выходными.

Начальство очень любило объявлять «усиления», проводя их, подозреваю, на теплых дачах у телевизора или за столом с собутыльниками. «Усиления», следуя логике их инициаторов, подстегивали коллектив к несению службы в боевом режиме и давали понять, что мы винтики военизированной организации, в любой момент должной подняться в ружье. Правда, ни ружья, ни пистолета у меня не было, хотя закрепленное за мной оружие скучало где-то в недрах министерского арсенала, и его невостребованность была очевидна настолько же, насколько мое никчемное присутствие на «усилении» за компьютером с текстом интересного романа или за игрой в переводного дурака. Подобное времяпрепровождение не приветствовалось, но и не каралось, будучи всеобщим занятием в свободные минуты. Иногда позволялись разговоры на отвлеченные темы. К примеру, о растущих ценах, о светских скандалах, о ценах на автомобили.

– Ты-то на какой тачке едешь? – спросили меня.

– Ну... Скажу так: по надежности лучше не бывает, – хвально ответил я. – Великолепный аппарат. Дорогой, правда. Одно техобслуживание в цену «мерседеса» выходит. Но не мой, я пользуюсь...

– Понятно-понятно! – В издевке интонации намека на моего дядю, на подарки его любимому племяннику. – А все же. Как аппарат зовется?

– Аппарат зовется поезд метро.

– Нет, серьезно?..

– Вполне серьезно.

Я и в самом деле ездил на службу на метро, так было удобнее. Полчаса дороги, без пробок и проблем с парковкой. Правда, порой удручала давка и малоприятные запахи человеческой скученности.

Иногда в общении с сотоварищами я позволял себе беззлобные иронические реплики и даже откликался в беседах на общие темы – не сидеть же день-деньской угрюмым букой в берлоге отведенного тебе закутка?

Спустя месяц своего пребывания в лоне МВД я получил звание майора, скромно отметил его с начальником секретариата и с помощником замминистра в ближайшем ресторанчике и, весьма укрепив этими посиделками позитивное к себе отношение, продолжил походы на службу.

Отринувший Родину опер Юра убыл к американским берегам, отзвонив мне, сообщил номер своего тамошнего телефона и настоятельно порекомендовал также обзавестись парой новых сим-карт, что я и сделал. По старому мобильному телефону мое местопребывание легко вычислялось ведущимся за мной розыском, и комбинацию его цифр предстояло категорически забыть; один из новых номеров предназначался для ведения праздных переговоров, другой – для частных. Тем более теперь меня вполне могли прослушивать всякого рода службы, что принуждало к особенной бдительности. А потому я обзавелся и третьей сим-картой – для переговоров с мамой.

В перемены, произошедшие в моей жизни, я ее посвящать не стал, а Юрка подтвердил, что легализуется в Штатах без ее помощи, опираясь на собственные связи. В этом я нисколько не усомнился, полагаясь на хитроумие его и змеиную изворотливость. Не нашлась еще рогатина, способная прищемить ему хвост.

Единственным человеком, которого я все-таки решил посвятить в тайну своего нового бытия, была Лена. Ей отчего-то я доверял убежденно и слепо и даже надеялся, что на новой стезе она способна меня поддержать и указать верные ориентиры в дальнейшем движении сквозь милицейские дебри. Да и с кем еще я мог поделиться, рассчитывая на соперничество и дельный совет?

И когда в очередной раз я встретил ее в аэропорту и по дороге домой поведал о перипетиях своих социальных трансформаций, она лишь загадочно улыбнулась, сказав:

– Идейка смелая. И тут есть над чем поработать.

– А я не зарываюсь, как думаешь?

– Я думаю, что мне всегда нравились смелые парни. – И, блеснув весело своими карими бесшабашными глазами, поцеловала меня, обдав теплым ароматом изысканного парфюма.

Дела в Нью-Йорке, как я понял, у нее пошли наперекосяк, бизнес хирел, и на сей раз она летела через Россию в Таиланд за какими-то таблетками для похудения, пользующимися в США диким спросом, но запрещенными для ввоза, ибо со-

держали не то наркотические составляющие, не то личинки глистов – в подробности я не вдавался.

Это был, видимо, какой-то очень выгодный бизнес: поклоняться золотому тельцу за пригоршню долларов наживы и мотаться через половину планеты практичная Лена за здорово живешь не стала бы. Таможенные барьеры она миновала благодаря личной находчивости, а именно: перед их преодолением натирала луком глаза и заправляла в нос перец. Чихающая и исходящая нездоровыми слезами пассажирка у американских стражей границы, патологически опасующихся всякого рода инфекций, вызывала лишь одну реакцию – категорического отторжения. Общаться с заразной особью не желал никто, Лену пропускали вне очереди, и от ее багажа шарахались как от чумного. Однако последнюю партию, присланную ей из Азии в Нью-Йорк почтовым грузом, конфисковала таможня, она попала под суд как контрабандистка и теперь висела в пограничном компьютере, что означало ее непреременный личный досмотр при каждом въезде в Штаты.

– Достали, суки, – глядя в зеркальце и подводя губы, равнодушно сетовала она. – Придется менять технологии. Мне дали концы на московской таможне, прилетела на переговоры. Сколько, правда, с меня будут тут драть за услуги, совершенно неясно.

– При чем здесь наши торговые стражи границы?

– А теперь таблетки полетят транзитом. Таиланд – Москва, Москва – Нью-Йорк. Уже как российский экспорт.

Витамины для крупного рогатого скота. В Штатах таможенника на грузовом терминале я купила, отдаст мне карго без досмотра и ручку поцелует.

– А если что? Риск того стоит?

– Обстановка серьезно переменилась, – поведала Лена. – Муженек мой собрался заводить новую семью, на детей дает, но в упор, а тут я попала на штраф с задержкой по уплате налогов, потом в полицию замели: выпила бокал вина у подруги и поехала с младшеньким своим домой. А по дороге – облава: дышите в прибор. Подышала. Наручники и суд. Так бы все ничего, а под градусом, да с ребенком, – это уже статья. Еле отвертелась от срока. Так что теперь у меня в ихнем мусорском компьютере два эпизода. Будет третий – сообщу адрес тюрьмы. – И она поплевалась через плечо заполошно.

– То есть пошла темная полоса, – констатировал я.

– Кто знает, – качнула она плечом. – Может, мы думаем, что она темная, а впоследствии выяснится, что была она светленькой, как лунная дорожка, и зря Бога гневили.

– Не нравится мне твое настроение...

– Да и у муженька, кстати, дела не блеск, – поведала она. – Мне тут его один бывший соратник поведал, что не поделили они в своей итальянской шарашке не то бизнес, не то деньги. Что, впрочем, одно и то же. Все дерьмо в мире из-за денег образуется. И какую несообразность ни копни, всегда в них все упрется. А мой прошлый хоть и хорохорится, но, чувствую, неуверенно как-то, а значит, жди чего угодно.

– И чего ждать? Пристрелить могут?

– Да это вообще не проблема, – сказала она. – Кино про мафию видел? Только воспринимал его как кино. А в жизни-то нашей кондовой так все на самом деле и есть, только без художественных изысков. Так что детектив, возможно, и низкий жанр, но только в глазах литературных эстетов. В реальном мире он сродни прозе быта. В общем, не будь душой, пошла я и застраховала супруга на пару миллионов.

– А он знает?

– Естественно. Я ему в лоб сказала: случись чего, детей мне тянуть. А страховку плачу из своего кармана, с тебя не убудет. Кстати, – хихикнула стеснительно, – бумаги он на автопилоте подписал, а после на встречу со мной уже с охраной прикатил, весь на измене, ты понял? В общем, ужас! – оптимистически заключила она.

– Насыщенно вы живете, – сказал я. – Действительно, прямо внутри детектива.

– А ты? – подмигнула она. – Уж кто бы вякал.

– Да ладно, – отмахнулся я. – Влачу растительное существование. Вся моя романтическая ментовка – стол да компьютер. В жилконторе и то интереснее, наверное.

– А как же преступники, погони и расследования?

– Да мы же теоретики, – сказал я. – Нам об этих погонях телевизор в приемной рассказывает. Это где-то там, внизу происходит. А на нашем олимпе сквозняк из форточки – уже событие. В болоте штормов не бывает. Но, с другой стороны,

потонуть в трясине легче, чем в океане.

– Зато у вас генералы произрастают за столами и креслами, а в погонях да перестрелках и до майора не дорасти. Так что скучай до генерала!

– Слишком много таких конкурентов за столами, – сказал я. – Но вот насчет того, чтобы до полкана доскучаться – это у нас с гарантией. Самое популярное звание. Иди по коридору, каждый второй встречный – потенциальный командир полка. Но и со взводом не управится, навыков нет. Так что по справедливости и по сути наш милицейский полковник – средненький лейтенант. А уж генерал паркетный если и достоин полковничьих погон, то с натяжкой. Но в России любят раздавать громкие звания. Да и проще полковника дать, чем зарплату повысить. Тщеславие в русском человеке куда сильнее практичности. Я, знаешь, какой тут разговор краем уха слышал из кабинета шефа? «Дадим, мол, ему генерала, но далеко от Москвы...» – «А поедет?» – «За погонами? Хоть в тундру, хоть в прерии».

– Видишь, ты уже набираешься знаний...

– Пока я набираюсь безрадостной информации.

Вскоре Лена убыла за своими криминальными таблетками, а я продолжил пустую трату однообразных дней, удручаясь их серостью и своим ленивым привыканием к той клетке, в которую себя загнал.

Я чувствовал себя как в самолете: тошнит, а выйти некуда. И теперь понимал подвижного и неумного Юру, наверня-

ка не вылезавшего из афер и приключений в устройстве своей новой жизни в чужедальной экзотике далекой страны. Да, Юра знал, что ожидало его в министерской затхлости, и не зря, видимо, поменял на шальной воздух свободы унылость теплых казенных стен. А вот я повелся, дурак... И теперь подумывал всерьез о том самом рапорте, способном выкинуть меня, уставшего от рутины и безделья, в океан настоящей жизни... Только какой? Ее надо было придумать хотя бы в общих чертах. А что придумаешь, если в голове – пустыня идей?

Устроиться на какую-нибудь службу? А чем иная лучше нынешней? Заняться бизнесом? Но весь мой опыт в бизнесе – сдача порожней посуды, предтече нынешнего кешбэка, да и тут меня умудрялись надуть. Полиграфический подвал – исключение, там бизнес держался исключительно на моем азербайджанском партнере, на чьем энтузиазме я паразитировал.

К тому же в сегодняшнем своем положении мною испытывалась несомненная защищенность от множества неурядиц, которые, в чем я не сомневался, с нетерпением поджидали меня на гражданской свободе и грозили новым сроком. Тюрьма определенно скучала по мне. И ведь как странно: я всегда воспринимал уголовный мир с неприятием и настороженностью, но постоянно влипал в передраги, вольно или невольно меня в этот мир втягивающие и отождествляющие в глазах законопослушных граждан как, несомненно, крими-

нальный элемент.

Армия была ничуть, наверное, не лучше тюрьмы в своем жесточайшем распорядке дня, кормежке из помоев и тухлой селедки и, конечно же, диктате наглых отмороженных сержантов. До знакомства с издевательствами старослужащих дело у меня попросту не дошло.

А случилось так.

Как и полагается, до принятия присяги мы, салажата, обретались в подготовительной роте артиллерийского полка, где изучали строевые движения, устав и общее устройство всяких снарядов и пушек. Я не выпендривался, держался замкнуто и молчаливо, с крикливыми сержантами не конфликтовал, но, когда один из них предложил мне постирать его портянки, улыбнулся ему задушевно и объяснил, что его вонючую мануфактуру я простирну только для того, чтобы распустить ее на удавку. А вот кого поутру на удавке, прикрученной к койке, найдут, угадай, сержант?

Сержант угадал. А я – нет. В частности, не угадал, что между мелкими командирами и офицерами учебной роты царит полное взаимопонимание и круговая порука. И – попал под могучий пресс армейского начальственного беспредела: придиркам не было числа, из нарядов вне очереди я не вылезал, но, когда за отказ чистить сортир лейтенант вмазал мне в челюсть, я снова припомнил навыки самообороны без оружия и в полной мере их применил. Подбитый глаз и сло-манный нос парадоксально трансформировали плоскую наг-

люю морду выпускника военного училища, придав ей скорбные черты невинно пострадавшей жертвы. Эта перемена была довольно смехотворна, и даже ротный ржал в кулак и блеснул глазами глумливо, но спускать дело на тормозах не стал.

С одной стороны, мне повезло: присяги я еще не принял, трибуналу был не по зубам и таким образом избег мук дисциплинарного батальона, заточение в котором в срок службы не входило. Повезло и с другой стороны: находясь на гауптвахте в ожидании дальнейших тюремных перспектив, я посвятил двух сидевших со мной товарищей по заключению в содержание самиздатовских книг Солженицына и Шаламова, поверхностно изученных мною еще в школьную пору. Пересказ содержания запрещенной литературы я сопровождал комментариями в адрес советской власти, к которой, кстати, не питал никогда ни малейшего пиетета. Еще с детства я органически противился всей этой лживой пионерско-комсомольской шелухе, повседневно навязываемой любого рода начальством, а память о моих репрессированных и сгинувших в лагерях дедах и бабках преклонению перед коммунистическим режимом не способствовала ни в малейшей мере. Прадеда моего, кстати, раскулачили и отправили на Соловки тогдашние совдеповские хунвэнбины за роскошь: двенадцать венских стульев и граммофон.

Слушатели мои оказались благодарными и внимательными, быстро сообразив: сдав меня как идеологического врага, можно получить снисхождение. Что и исполнили в совмест-

ном подлом сговоре, одухотворенном идеей патриотизма. Но в этом-то и заключалось мое поразительное везение! Уже готовый сменить зеленую форму новобранца на черную спецовку с биркой ЗК, я благодаря доносу переместился в особую категорию преступного элемента, ибо теперь на побитой морде взводного опытный взор особиста различил признаки идеологически враждебного рукоприкладства. Тут-то и нарисовался для начальства великолепный выход из создавшегося казуса, а именно: сложность юридических проволочек в оценке конфликта между лицом гражданским и армейским, определение всякого рода юрисдикций элементарно закрывались процедурой психиатрической экспертизы невменяемого лица, то есть – меня. Экспертиза предполагала дальнейший срок принудительного лечения в психушке, так что армия избавлялась от смутьяна, а порок подвергался наказанию.

Мудрейшее, надо заметить, решение!

Армейская психушка, ассоциирующаяся в моем сознании с одним из кругов ада земного, оказалась достаточно безобидным учреждением, где лояльное поведение пациентов прямо и справедливо влияло на степень их свободы и даже привилегий – таких как прогулки по территории и посиделки у телевизора в холле после ужина. Кормежка – стандартная армейская баланда, душ – без ограничений, в палатах – чистота и порядок, только койки и тумбочки привинчены к полу.

В палате нас было пятеро. Мое представление публике прошло корректно и отчужденно. Парочка, сидевшая на угловой кровати, похоже, вовсе не обратила на меня никакого внимания, занятая тихим, вдумчивым разговором. Один из собеседников был тучен, толстогуб, длинные седые космы свисали к его покатым плечам, взор был туманно-тускл и то и дело скользил по потолку, неизменно, впрочем, останавливаясь в итоге на своем визави – худеньком, со впалыми щеками человечке. Тот взирал на своего собрата по несчастью почтительно и тревожно, словно в опасении пропустить хотя бы одно из роняемых им невнятных слов. Время от времени он вздергивал вверх палец, как бы обозначая паузу в монологе старшего товарища, лез в карман облезлого больничного халата, доставал из него блокнотик с ручкой и судорожно что-то записывал, мелко и часто кивая остреньким подбородком.

За этим неясным мне по своей сути тандемом искоса и мрачно наблюдал лысый сутулый тип с презрительным взглядом, почитывающий, лежа на койке, газету. Молодой розовощекий крепыш с открытым лицом и смеющимися глазами, представившийся мне как Гога, просто и спокойно пояснил:

– Ты не бойся, у нас здесь тихо. Это, – прибавил с самым серьезным видом, указав на тучного человека, – Бог. С ним Ангел, он записывает, значит, изреченные мудрости. А это, – перевел жест на унылого лысого, – Семен Петрович Под-

видов, заслуженный военный разведчик.

— И лежу тут с дураками, — подал голос разведчик, если, конечно, он и в самом деле был таковым.

Гога, лейтенант военной юстиции, призванный в армию после института, пытался от службы откосить, симулируя какой-то сложный тип шизофрении: дескать, как надеваю шинель, сразу же падаю, отказывают ноги из-за ощущения невероятной тяжести верхней армейской одежды.

В отличие от него, которому шизофрению следовало доказать, мне таковуюшили по заданию сверху, и главное тут было не отнекиваться, а вот остальные персонажи обрелись в больничных покоях, вероятно, по праву и объективным показателям. Бог и Ангел были очевидными подарками для психиатрии как науки, а внешне корректный и ироничный Подвидов в редких припадках конспиративной откровенности утверждал, что является секретнейшим агентом Политбюро партии и сюда его упекли враги, жаждущие, как он утверждал, развалить Советский Союз, насадить капитализм, разрушить армию и КГБ, капитулировав перед Америкой. В те времена звучало это, мягко говоря, диковато, а вот впоследствии я немало озадачивался как его пророчествами, так и загадочностью его водворения в психушку. Впрочем, дар ясновидения данного персонажа ничуть не противоречил его медицинскому диагнозу, в чем я убедился в ближайшие дни.

Однако на пребывание в среде душевнобольных я не се-

товал.

С вердиктом в отношении моей персоны никто не спешил, меня навещала мама с гостинцами, а Гога, раздобывший дубликаты ключей у одной из медсестер, с которой временно сожительствовал по ночам в ординаторской, таскал из ближайшего магазина портвейн, покидая территорию через прореху в заборе. В библиотеке была уйма интересных книг, уколами меня не пичкали, так что чем не санаторий? Скучновато, конечно... Но больничную скуку я с новым товарищем всячески пытался преодолеть. В частности, Гога усердствовал в разнообразных невинных розыгрышах, демонстрируя в их организации изощренную сатирическую фантазию и верно угадывая реакцию своих жертв, идущих у него на поводу по продуманному до мелочей сценарию.

Очередной жертвой оказался разведчик Подвидов. С воли Гога получил настоящий конверт правительственной почты, а после, пробравшись в ординаторскую, отпечатал на машинке письмо. Содержание его заключало в себе благодарность от Политбюро партии пламенному коммунисту Подвидову С. П., выражение поддержки в его нелегкой участи борца с тайными силами империализма, обещание скорого, на днях, вызволения из медицинского учреждения и сообщение о секретном указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении разведчика Звездой Героя, соответственно, орденом Ленина и присвоением ему звания генерал-майора госбезопасности. Ну и в качестве премии – приятная мелочиш-

ка: автомобиль «Волга». Венчала письмо подпись генерального секретаря коммунистической партии.

Письмо разведчику Гога принес из очередного своего похода за портвейном, поведав ему на ухо, что конверт вручен неизвестными лицами, подловившими самовольщика на улице.

Аккуратно конверт вскрыв, Подвидов ознакомился с текстом. По прочтении документа лицо его исказилось безумной гримасой восторга, а глаза замороженно остекленели от торжества высоких мыслей.

– Ну, теперь я покажу им... – произнес он, вставая с кровати и убирая конверт за пазуху.

Мы не успели и слова сказать, как Подвидов покинул палату, в которую вернулся только через неделю – исхудавший и бледный, как наши больничные застиранные простыни.

Шутка вышла жестокой: распаленный разведчик отправился к главврачу, вылил на его голову чернильницу, а затем ткнул в живот доктора горшок с кактусом. Безобразие пресекли шкафообразные санитары, уволокшие несостоявшегося орденоносца в ватный карцер.

– Ну, как дела? – осторожно поинтересовался Гога у вернувшегося страдальца.

– И ты меня спрашиваешь, сука? – со зловещей улыбочкой ответил тот. И вдруг вытащил из-за пазухи длинный кухонный нож.

Откуда он взял-то его?

Между тем Подвидов, по-прежнему нехорошо усмехаясь, повертел нож перед нашими носами. И – пожелал всем спокойной ночи.

Дверь в нашу палату уже была закрыта изнутри, и предстояло выбирать: или стучаться, вызывая дежурных санитаров, или рискнуть молодыми жизнями, оставшись в ночной темени с вооруженным, горящим жадой мести сумасшедшим.

Пришлось колотить в дверь, что вызвало переполох в нашей палате.

– Так вы еще, сволочи, и спать не даете?! – подскочил на кровати Подвидов и, выхватив страшный тесак, ринулся на нас, отчаянно отбивающихся от него подушками.

Узрев оружие в руках безумца, Ангел завопил, как сирена при воздушном налете, и взвился на тумбочку, разбудив Бога, вцепившегося зубами в лодыжку Подвидова.

SOS из больничной ночи был услышан всей дежурной сменой, и санкции последовали незамедлительно: утро застало нас, обколотых и благостных, привязанными за ноги и за руки к рамам кроватей.

Собрался высокий врачебный консилиум.

Мы с Гогой лежали и помалкивали, Подвидов грязно, хотя и вяло, агонизирующе материл весь белый свет, а наш вседержитель интеллигентно и сонно отвечал на вопросы врача.

– И когда, собственно, вы почувствовали себя Богом? – вопрошал врач.

– Когда я стал молиться и вдруг понял, что разговариваю сам с собой... – последовал вдумчивый ответ. – И с тех пор душа моя непрерывно скорбит о слепоте человечества, погрязшего в кромешности своего зла, в его несокрушимом капкане...

– Вот и у меня тоже... – внезапно откликнулся Ангел.

– А у вас-то с чего? – неприязненно озаботился врач, покосившись в его сторону.

– Так... ведь это я – Бог!

Видимо, события прошедшей ночи каким-то образом повлияли на личностную самооценку нашего сотоварища.

Бог-старожил недоуменно обернулся в сторону своего бывшего евангелиста. Вопросил с оторопью:

– Как?... И ты?..

Выносивший за нами утки волонтер, смиренный косарь от армейской повинности, обыкновенно не произносящий ни слова, с каменным лицом целиком погруженного в себя страстотерпца, не удержавшись, прыснул крысиным смешком, разрушив таким образом всю суть своей легенды.

– Этого говноносца – в часть! – рывкнул глава консилиума, злобно шевеля кустистыми бровями. – Раскололся, симулянт! Разведчика – в карцер! А с этими антисоветчиками... Волчий билет в зубы, и чтоб дух их растаял!

На этом моя армейская эпопея крайне благополучно и скоропостижно завершилась. Чему я был несказанно рад. Ведь если сравнить жизнь с книгой, то армия – это две стра-

ницы, вырванные на развороте интереснейшего сюжета!

Я попал на учет в психдиспансер и в анналы районного КГБ, при этом давно и прочно числясь на контроле местной милиции и вышестоящих над ней инстанций. Что, в общем-то, не огорчало. Ущемление в части некоторых прав не ограничивало основную свободу действий.

Да... было о чем мне вспомнить, сидя за чиновным столом в Министерстве внутренних дел, ох было!

Генерал вызвал меня к себе под вечер, когда все шестерки из его своры, куда, впрочем, на щенячьих правах входил и я, посматривали на часы, не чая, когда сиятельный начальник наконец-таки свалит и можно будет разойтись по домам, к женам и к телевизорам.

Подобного рода вызов породил в стае немало разного рода версий и недоумений, ибо с чего большому шефу понадобился какой-то мелкий майор? Но когда генерал-полковник распорядился принести чай для двоих, а затем еще печенье и конфеты, в головах челяди бесповоротно утвердилось: неспроста! И даст нам еще этот племянник вице-премьера жару, проявит свою сущность, маскируемую ролью безропотного простака!

Все это я без труда прочел на бесстрастных мордах стражей приемной, когда в пугливом образе покорного пса, не ведающего, каков будет каприз хозяина, посеменил к высоким двойным дверям его покоев.

Тучный лысоватый шеф, одетый в гражданский костюм, крутился в своем кресле, беспечно разговаривая с кем-то по телефону – одному из десятка, подобно боевым машинам в походе, расставленных на приставном столике. Небрежно махнул мне рукой, затем матюгнулся в сторону своего собеседника, мол, занят, отстань, и указал мне на кресло – ближайшее к нему за столом заседаний.

– Ну, Юра, как служится?

– Замечательно, товарищ генерал...

– Не скучно у нас после «земли»?

– Это – есть... – произнес я осторожно.

– Ну, в принципе, да... – внезапно озаботился он, надув щеки. И, выждав, когда секретарша установит поднос с чаем и затворит за собой дверь, продолжил, усаживаясь напротив: – Отзывы о тебе положительные, работник ты дисциплинированный, коллективом принят... Но, если скучно, давай подыщем тебе местечко погорячее, тем более есть тут перспективы развития, будем некоторые службы укреплять...

– Как скажете, – промямлил я.

– Ну, это я подумаю. – Крепкими волосатыми пальцами он разломал румяную баранку, прихлебнул чай, выдохнув горячий парок. – Может, коньячку? – предложил доверительно с подмигиванием.

– Да ну что вы... – Я искренне испугался. Выйди я с запахом в приемную, наживу десятков врагов.

Он усмешливо посмотрел на дверь. Качнул головой по-

нятливо. Вновь взял бараночку – одноразовый эспандер.

– Ну, в общем-то, верно, – заметил с добродушием. – Чего на волков говядиной дышать? Если брюхо не порвут, то холку натреплют. Но ты, коли чего, не дрейфь, знаю я этих интриганов продуманных... Лично ко мне и без стеснений, я их всех рассужу... – И кулачком маленьким, но твердым пристукнул по столешнице, опасливо екнувшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.